

БОРИС УШАКОВ

НЕ ВСЕ ТРУПЫ
НЕПОДВИЖНЫ

СЕРИЙНЫЙ ОТДЕЛ

ДЕТЕКТИВ НЕ ДЛЯ
СЛАБОНЕРВНЫХ

18+

ЖЕСТЬ

Серийный отдел. Детектив не для слаонервных

Борис Ушаков

Не все трупы неподвижны

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ушаков Б.

Не все трупы неподвижны / Б. Ушаков — «Эксмо»,
2015 — (Серийный отдел. Детектив не для слаонервных)

Вадим, эмигрант из России, приезжает во французский Лорд и останавливается в небольшом отеле, чтобы здесь, в тиши, поправить здоровье после недавнего инсульта. Дочь хозяев Кассандра берется присмотреть за ним. Как-то, прогуливаясь в саду, Вадим набрел на заброшенный сарай. Он заглянул в мутное окошко и увидел внутри труп. Возможно, это были всего лишь галлюцинации не вполне оправившегося после болезни человека, так как, вернувшись к сараю уже вместе с Кассандрой, Вадим не обнаружил там мертвеца. Но отчего же Кассандра вела себя так странно, будто она была совсем не той, за кого себя выдавала? Вадиму удалось разговорить ее брата Анибаля, и тот признался, что до смерти боится сестру. Потому что она – мертвец...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ушаков Б., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Борис Ушаков

Не все трупы неподвижны

«Воображение – это то, что стремится стать реальностью».
Андре Бретон

© Россик В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

Начало апреля.

– Кстати о движении, – говорит Марина. – Я тут подумала, что тебя обязательно нужно свозить в Лурд. Попьёшь из святого источника исцеляющей водички, и, может быть, твои тараканы из головы пропадут. Слышишь меня, Вадим? Ну, о чём ты вечно думаешь?

Не дожидаясь моего ответа, Марина уходит на кухню.

Лурд? Я хмуро смотрю на учебник французского языка, праздно валяющийся на подоконнике. Это домашний врач фрау Половинкин как-то порекомендовала мне изучение иностранных языков для лучшего восстановления деятельности мозга и памяти. Марина притащила мне потрёпанный учебник французского. Мало ей таблеток, которые я ненавижу почти год. Теперь я ненавижу ещё и французский язык.

Хотя, если честно, что-то делать с мозгом нужно. Около года назад у меня случился инсульт. Такая вот непраха. Однажды утром где-то внутри оторвался тромб и пополз, гад, к голове. Хорошо ещё, что Марина оказалась рядом. Она вызвала «Скорую помощь», и процесс пошёл: сложнейшая операция, два отверстия в черепе, закрытые пластиной, искусственная кома. Итог: трясущиеся руки, стойкое головокружение, испорченное настроение. Отныне и до конца жизни я обязан ежедневно принимать таблетки, регулярно сдавать кровь, следить за давлением и холестерином, избегать жары, горячей ванны, сауны. Ну и на кой чёрт Марине сдался теперь наш межнациональный брак?

Кто не знает: Марина – это моя жена, казахстанская немка, благодаря которой я очутился в маленьком баварском городке на Песталоцциштрассе. Местные жители без особых заморочек называют его Наш Городок. Городок как городок. Путаница узких улочек в кольце невысоких холмов, поросших соснами и елями. С трёх сторон городок окружает густая чаща со сказочным названием Ведьмин лес, с четвёртой – река. На высоком берегу Майна высится большущий квадратный замок. Фасад из тёмного известняка, выступающие карнизы, каменный орнамент в стиле маньеризма. Память о далёком феодальном прошлом. Величавая глыба презрительно глядит сотней стрельчатых окон на нелепую суету жалких человечков у подножия своих стен. В самом-то деле! Кто она, а кто они? Она же ведь замок!

Впрочем, я отвлекся от своих болячек. Расскажу о них ещё немного. Похвастаюсь. Недавно мне выдали зелёную пластиковую карточку, на которой указано, что её обладатель – инвалид с пятидесятипроцентной трудоспособностью. Ну и ладно. Я не рвусь работать грузчиком или подсобником на складе. Вообще-то я писатель. Пока малоизвестный, но стремлюсь. Каждый день тружусь, как термит, над очередным шедевром. Сейчас жду отзыв издательства на мой последний роман. О чём романы? Да как у всех: секс, насилие, жестокость. Другое в наше время почти не читают.

Компьютер докладывает, что получено электронное письмо. Открываю его. Это короткое сообщение из издательства. Наконец-то! С замиранием сердца читаю: мой роман понравился и будет издан в конце года. Ура! Я люблю тебя, издательство!

– Лурд – это где? – жизнерадостно спрашиваю Марину, неторопливо врываясь в кухню. Радиоприёмник над столом в тысячный раз за день выдаёт слоган нашей баварской радиостанции «Антенне Байерн»: «Мы любим Баварию! Мы любим хиты!» Жена со своим младшим сыном, десятилетним Лукасом, заканчивает лепить манты. Старший, Саша, недавно получил от города квартиру и теперь живёт отдельно от нас.

– Во Франции. А ты не знаешь?

– Не знаю, но смогу это пережить, – бурчу я, водружая себя на стул поближе к мантам. Сообщаю Марине приятную новость из издательства.

– Вот видишь, милая, – хотел, как всегда, а вышло снова лучше.

– Поздравляю, – сдержанно говорит жена. – Может, наконец, что-то заработаешь.

Я обиженно гляжу на супругу. Намекает, что вышла замуж за финансовую пропасть? Ох уж эта женская практичность! Разве в творчестве главное деньги? Гораздо важнее память о тебе. Кто умер, но не забыт – тот бессмертен. Не помню, кто сказал.

Я не успеваю ответить Марине, потому что за окнами раздаётся громкий перезвон колоколов. Теперь разговаривать невозможно. Даже радио не слышно. Прямо напротив нашего дома находится старинная церковь. Каждые пятнадцать минут её колокола отбивают время. Я уже знаю: один удар – первая четверть часа, два удара – полчаса, три удара – три четверти часа, четыре удара – ровно час и плюс дополнительные удары другого колокола тоном ниже. Сколько часов – столько ударов. Вроде бы всё просто, но мне понадобилось прожить на Песта-лоциштрассе больше года, чтобы постичь эту систему.

– Отвезу-ка я тебя в Лурд, – продолжает тему Марина, когда перезвон стихает. – Поживёшь там, сходишь в церковь. Попросишь себе здоровья. Наберёшь чудотворной воды в источнике, и будем тебя этой водой дома лечить.

Я недовольно морщусь:

– Ты же знаешь, Марина, что я не верю в такие штучки. Напьёшься такой водицы и козлёночком станешь. Или ещё хуже: будешь дристать дальше, чем видишь.

Марина сердито заявляет, включая мантоварку:

– А надо верить! Лиза говорит: «По вере тебе и воздастся!»

Во Франции я уже был. После бракосочетания мы с супругой совершили короткое свадебное путешествие в Париж. Постояли под Эйфелевой башней (она была закрыта на реставрацию), погуляли по Елисейским Полям, посетили Нотр-Дам, прокатились на пароходике по Сене, осмотрели Лувр и Версаль. Париж мне понравился, но Лурд?

– А что такое этот твой Лурд? – задаю вопрос Марине, пока она накрывает на стол. Рядом со мной Лукас, высунув от старания язык, заполняет приглашения на свой день рождения. Здесь даже дети присылают друг другу открытки с указанием точного времени и места празднования. В этом году Марина решила снять для Лукаса и его друзей игровой зал в детском центре. Пусть побесятся без взрослых. Там их и покормят, и развлекут.

– Лурд – это святое место! – закатывает глаза Марина. – Лиза и Себастьян ездили туда зимой. Лиза вернулась в совершенном восторге и при первой возможности поедет туда ещё раз.

Лиза и Себастьян – это наши друзья. Пожилая чета бывших казахстанцев живёт на другом конце города за Майном, и мы иногда ездим к ним в гости. У Себастьяна для меня всегда припасена бутылочка хорошего коньяка, а у Лизы для Марины – баночка настоящего мёда.

– Лурд расположен у подножия Пиренеев, – продолжает рассказывать Марина, раскладывая сварившиеся манты по тарелкам. – Это совсем маленький городок. Там в середине девятнадцатого века одной местной девочке по имени Бернадетта явилась Дева Мария. С тех пор туда не прекращается паломничество. Миллионы людей со всего света! Среди паломников особенно много больных и инвалидов.

– Я не инвалид, – мрачно вставляю я. – Мне просто нужно немного времени, чтобы восстановиться.

– Ну, конечно, дорогой, – соглашается Марина. – В Лурде зарегистрированы семь тысяч случаев чудесного исцеления. По-моему, тебе как раз туда.

– Может, лучше в Египет? Тоже загадочное место, – предлагаю я альтернативу, но Марина презрительно кривится.

– Не выдумывай! В Египте лишь жара и пирамиды. К тому же все египтяне клянчат у туристов деньги. Все поголовно: от арабчат до верблюдов.

– Ну, ладно, бог с ним, с Египтом, – разочарованно вздыхаю я. – А что конкретно тебе сказала Лиза?

Марина восклицает:

– О, она была так бегайстерн!¹

– Чем же она была так воодушевлена и почему они вообще туда поперлись? – кисло спрашиваю я, нанизывая на вилку первый, самый аппетитный мант. Пора кормить организм, хоть он того и не заслуживает. Сильно подвёл меня год назад.

– Себастьян занемог. Что-то со спиной. Ни согнуться, ни разогнуться, ни повернуться. Врачи толком сделать ничего не могли, вот Лиза и повезла его в Лурд. Ей одна знакомая посоветовала. Да ты её тоже знаешь. Это Майя – подруга комиссара Уля.

Киваю. Я помню Майю. Ещё бы! Чёрная, как автопокрышка, плоская, как школьная тетрадь, женщина. Жертва солярия.

– Лиза долго не раздумывала. Просто посадила Себастьяна в свою «Мазду» и поехала. Когда они добрались до Лурда, то остановились в первом попавшемся отеле. Отелей там множество. На любой кошелёк.

– И что?

– Что-что! Они сходили в церковь, помолились за здоровье Себастьяна, поставили свечки, набрали воды из источника. Теперь Лиза эту воду по капле добавляет во всё, что готовит: в суп, чай, кофе. Жалеет, что мало взяли.

– А Себастьян?

– В том-то и штука – Себастьяну стало лучше! Теперь Лиза снова собирается в Лурд следующей зимой. Помолиться, свечи поставить, воды набрать. И мне говорит: «Свози своего туда тоже. Хуже точно не будет».

Пожимаю плечами. Машинально барабаню кончиками пальцев по столу. На моём тайном языке это означает: «Ну что ж, Лурд так Лурд».

После обеда едем с Мариной в АРГ. Вернее, я еду, а она меня везёт на нашем стареньком «Форде». У меня термин (ударение на последний слог). В детстве мама учила, что есть волшебное слово, которое открывает любые двери: «пожалуйста». В Германии я прибавил ещё слово «термин». Если у тебя есть термин, двери тоже открываются.

Кто не знает: АРГ – это такое строгое учреждение, которое обеспечивает жителей Нашего Городка работой или платит пособие нетрудоспособным бедолагам вроде меня. Мой социальный работник фрау Адамс направила меня на медицинское обследование, чтобы точнее знать, где я могу пригодиться германской экономике. Для таких дел у АРГ есть свой врач – доктор с некрасивой фамилией Котц (блевотина). Вот к нему-то меня Марина и везёт.

На душе тяжело. Куда меня загонит этот самый доктор Котц? Мыть туалеты на автобанах? Чтобы отвлечься от чёрных мыслей, смотрю в окошко, считаю прохожих. Я читал, что немцы стремительно стареют. Молодёжи всё меньше, пенсионеров всё больше. Действительно, на улице преобладают седоголовые. Они куда-то спешат по тротуарам, крутят педали велосипедов, сидят в блестящих автомобилях. Страна серебряных висков.

– Халло!

– Халло!

Герр Блевотина оказывается человеком кинематографических размеров. Будто два мужика в одном костюме. Врач добродушно задает мне несколько вопросов, ответы на которые прилежно записывает медсестра в белом халатике и оранжевых колготках. Для осмотра моих боевых сил мне не нужно даже раздеваться. Последний вопрос доктора: «Вы не будете против того, чтобы просто ставить печати на бумагу?» Я неуверенно киваю. Вообще-то в жизни всегда есть место подвигу. Через десять минут обследования Котц выносит свой вердикт:

¹ От begeistern – воодушевлять, вдохновлять, восхищать(нем.).

– Лёгкий сидячий труд в бюро не более трёх-четырёх часов в день и чюсс!

– Чюсс!

Я облегчённо вздыхаю. Пусть теперь у фрау Адамс голова болит, где найти для меня такую халявную работу.

Возвращаемся домой. На кухне орёт радио. Энджи Мэттсон, «Ураган». Лукас, лежа на полу перед телевизором с огромным пакетом чипсов, натужно кашляет. Наш малыш где-то простыл и второй день сидит дома.

– Лукас! Немедленно встань с холодного пола! – раздражается Марина, едва войдя в зал. – И чипсы не рассыпь! Почему тебе нужно говорить об этом тысячу раз?

– Потому что, – загадочно отвечает ребёнок, не двигаясь. – А где вы были?

У Лукаса есть одна очень неприятная для любого взрослого черта. Он непременно хочет знать, куда ты ходил, с кем виделся, кто тебе звонил, что ты купил, сколько заплатил и так далее до бесконечности. Впрочем, я быстро научился преодолевать любопытство отрока. Надеюсь, с пользой для своих нервов. Ведь всё, что ты можешь преодолеть, делает тебя сильнее.

– В Караганде, – торжественно даю я исчерпывающий ответ. Лукас уже знает, что дальше задавать вопросы бессмысленно.

– Ладно, мальчики, не ссорьтесь, – говорит Марина, раскладывая гладильную доску. – Занимайтесь своими делами, а я сейчас быстренько гладану бельё и буду готовить ужин.

Вот и славно. Веду себя к компьютеру, однако истошный вой сирены за окнами отвлекает нас от домашних хлопот.

– Что это? – удивляется Марина.

Лукас бросается к окну.

– Пожарная машина, мама! У нас во дворе!

– Мы горим? – спокойно спрашивает Марина.

Я нюхаю воздух. Дымом не пахнет.

– Может, это учения? – задаю вопрос.

– Пожарники заходят в наш подъезд, – информирует Лукас, прижав нос к стеклу.

Значит, действительно что-то случилось. В Нашем Городке пожарные просто так не приезжают.

Лукас выскакивает в подъезд. Я тащу себя следом за ним. Марина остаётся дома. Ей ещё нужно перегладить кучу белья.

На лестничной клетке слышны тяжёлые шаги. Это пожарные поднимаются вверх. Мы с Лукасом ждём их возле своих дверей. Наша соседка – фрау Краус – на лестнице не показывается. Ей уже за девяносто, она плохо видит и слышит. А вот и двое серьёзных униформированных мужчин в сопровождении нашей старшей по дому фрау Томас. Когда они вступают на нашу площадку, до меня наконец-то доходит, что пожарные идут к соседке.

– Халло!

– Халло!

– Что случилось, фрау Томас?

– Фрау Краус уже два дня не забирает почту. Я позвонила ей в дверь. Она не открывает. Пришлось вызвать пожарных, «Скорую помощь» и полицию.

Пока мы разговариваем, пожарники несколько раз подолгу нажимают на звонок. Никакой реакции. Потом они громко стучат. Никакой реакции. Тогда серьёзные мужчины достают инструменты, минуту возятся с замком и резким ударом распахивают дверь. Навстречу нам из квартиры фрау Краус вырывается волна смрада. Вопреки моим ожиданиям никто не бросается в открытую дверь. Один из пожарных зовёт соседку по имени. Ему вторит фрау Томас. В ответ раздаётся слабый голос. Слава богу, старушка жива.

На площадке появляется озабоченный полицейский. За ним спешат работники «Скорой помощи». Они несут с собой всё необходимое для оживления бабушек. Первым в нехорошую

квартиру входит представитель власти. Все нетерпеливо ждут результатов его разведки. Особенно Лукас. Пацан весь извёлся. Он нервно пританцовывает рядом со мной.

– Стой спокойно, не дёргайся! – делаю замечание мальчишке. Тот страдальчески морщится. Он бы уже, как Герасим Муму, утопил меня в море вопросов, но стесняется посторонних.

Полицай высовывает голову из соседской двери и зовёт эскулапов. Они мгновенно исчезают внутри. Слышно, как медики разговаривают с фрау Краус. Тем временем пожарные собирают свои инструменты и прощаются с нами:

– Чюсс!

– Чюсс!

Серьёзные мужчины спускаются вниз, а им навстречу, кряхтя, вздыхая и останавливаясь на каждой ступеньке, поднимается ещё одна бабулька. Крохотная, как мозг динозавра. Это фрау Хунгер – ровесница Октябрьской революции.

– А что здесь случилось? – подслеповато шурится на нас фрау Хунгер.

Фрау Томас начинает непростой диалог с глухой старушкой, но я их не слушаю – увожу себя домой. Лукас, разумеется, остаётся в подъезде. Он не может пересилить свою тягу к контролю всего и вся.

За ужином узнаём от Лукаса последние домовые новости. Оказывается, вчера вечером у фрау Краус случился сердечный приступ. Бедняжка упала на пол возле кровати и пролежала почти сутки. К счастью, фрау Томас вовремя забеспокоилась. Врач «Скорой помощи» сказал, что ещё немного и было бы поздно. Теперь, после лечения в клинике, нашу соседку заберут в дом для престарелых, в альтерсхайм, так как у неё не осталось никого из родных. Грустная история.

Когда день уступает место ночи, Марина решительно садится за компьютер. В ответ на мой вопросительный взгляд она бормочет, не отрывая глаз от монитора:

– Я же обещала свозить тебя в Лурд. И чем раньше, тем лучше. Нужно всё грамотно спланировать. Проложить маршрут, найти и заказать отель. Поищу дешёвый вариант. А ты не жди меня, ложись спать.

Пожимаю плечами. Вот всегда она так. Командирка. Ну и ладно.

Перед сном отправляю себя в ванную комнату. Такое правило. Включаю воду. Кран подсвечивает льющуюся струю разными цветами: синим, красным, зелёным. Сантехника становится изошрённее, а вода всё такая же – просто мокрая. Мой взгляд теряется в сияющей амальгаме зеркала, висящего над раковиной. На меня недоверчиво смотрит дряхлый остаток моего эго. Конечно, это не лик Страшного суда, но тоже не люто доброжелательный. Типичный одинокий гений. Суровый донельзя.

На минутку отвожу глаза от зеркала, а когда снова поднимаю их, вижу чужое лицо. Удивительное лицо. Огромные глаза, вздёрнутый носик, острый подбородок, нимб золотых кудрявых волос. Девочка-эльф. Она с горькой гримаской разглядывает меня. Внезапно волшебное личико искажает мука. Я, наконец, вздрагиваю от неожиданности. Миг – и девочки-эльфа больше нет. В зеркале опять знакомый анфас малоизвестного писателя.

Лёжа в постели, размышляю о случившемся в ванной. Мне не в первый раз являются необычные образы. Я раньше уже встречался с парой детских фигурок без лиц, жуткой старухой и скоропостижно умершим художником. Кто они? Или что они? Всего лишь моё воображение или бесплотные сущности, заблудившиеся между Явью и Навью? Я не знаю. По-моему, хороший писатель должен обладать высокой чувствительностью, впечатлительностью, богатой фантазией, способностью видеть и понимать то, что скрыто от других. Видимо, я наделён этими странными качествами, раз призрачные создания так ко мне и льнут. Чтобы лучше понимать живых, необходимо общаться с мёртвыми.

Слышу, как по карнизу стучат тяжёлые капли, в желобах шумит вода. Это весенний дождь решил освежить Наш Городок, пока никто не болтается по улицам. Монотонная музыка капли располагает к меланхолии. Начинаю засыпать, но, шлёпнувшаяся возле меня, холодная, как ливень за окном, Марина прогоняет сон. Обычно жена спит в милой розовой девчачьей пижамке, но сейчас обнажена.

– Побалуемся?

Я так и знал! Марина соскучилась и требует от меня выполнения супружеского долга. Супружеское ложе – это место, где двое превращаются в одно целое. Начинаю начинать. А куда деваться? Надо так надо. Вскоре лёд трогается. Маринка на время забывает свои командирские манеры и полностью разделяет со мной мою твердую точку зрения. Ритмичные движения, стоны... Два любящих сердца бьются в унисон... В общем, сами знаете, как всё это работает. После апогея пламя во мне окончательно гаснет, и я теряюсь в пространстве. Последняя мысль, полная самодовольства: «Ну, что я за пэрчик!»

Просыпаюсь. В спальне хоть глаз выколи – рольставни на окне опущены до самого низа. Светящийся циферблат будильника сообщает время: два часа ночи. Марина тихо дышит, положив голову на моё плечо. Осторожно глотаю. У меня болит горло. На улице пьяные русаки орут «Песню про зайцев»: «А нам всё равно! А нам всё равно!» Тоже грустная история.

Глава 2

Пятница. Раннее утро. Лежу один в постели, окуклившись в одеяле. Марина шуршит на кухне. Судя по запаху, варит какао. Лукас смотрит мультики. За рольставнями звенят детские голоса, грохочут ранцы, ветер гремит железом крыш. Апрель в этом году порывистый, как юноша. А ранцы грохочут, потому что на колёсиках. Недавно все германские младшие школьники обзавелись ранцами с длинной ручкой и на колёсиках. У Лукаса тоже есть такой. Выпросил у мамки.

Колокола соседней церкви гулко советуют мне вставать. Ладно-ладно, не брякайте. Уже встаю. Пока я воюю с одеждой, вспоминается ночной сон. Снилось какая-то ерунда на эротическую тему. Надеюсь, что на эротическую. Из жуткой тьмы мне улыбалась девушка, одновременно похожая на сказочного эльфа и Марину. Голубые глаза, острый носик, копна кудрявых волос. Ну, сами, наверное, видели таких в сказках. В памяти застряло имя: Кассандра. Мне оно ни о чём не говорит.

Умываюсь, разглядывая своё лицо в зеркале. Больше никаких девочек-эльфов не появляется. Зато нахожу, что моё лицо напоминает лицо Хемингуэя, только без бороды и глупее. А вот горло сильно болит. Похоже, что Лукас всё-таки «наградил» меня своей простудой.

Захожу на кухню.

– Ну, милая, что ты вчера надыбала о Лурде?

Голос у меня такой гнусавый, словно заговорил слон.

Марина радостно сообщает:

– Я заказала для тебя комнату в «Галльском петухе». Оплатила две недели с полным пансионом.

– Это что ещё за заведение?

– Недорогой семейный мини-отель. И они говорят по-немецки. ОТЕЛЬ находится не очень далеко от санкт-уария.

– От санкт-уария?

– Это святилище, возведённое методом народной стройки над тем местом, где Бернадетта встретила Деву Марию. Я вчера тебе рассказывала.

– Ясно. И когда ехать?

– Сегодня в ночь. Поедем на Сашином «Ауди». Я уже с сыном договорилась. Он тоже едет. Два водителя лучше, чем один.

Я не спорю. Спорить с Мариной – всё равно что дёргать за хвост собаку, жизнь может не сложиться. Только недовольно спрашиваю:

– И что я там буду делать целых две недели?

– Будешь ходить в церковь, просить себе здоровья. Поставишь за всех нас свечки. Я тебе оставлю десяток канистр – наберёшь целебной воды из источника. Возле санкт-уария есть купальни для мужчин и женщин. Омоешься. Сделаешь фото на память. В общем, дело всегда найдётся. А я тебя через две недели заберу. Сама бы там пожила, но мне в понедельник на работу.

Недавно АРГ нашло-таки Марине дело всей жизни – сортировать вешалки для одежды на одной маленькой фирме. В понедельник жена заступает на трудовую вахту. Платят там, конечно, копейки, но зато АРГ больше не будет доставать.

Я люблю путешествовать, поэтому дальняя поездка во Францию меня несколько не огорчает, но для порядка ворчу:

– И почему всегда так – ты что-то придумываешь, а мне приходится расхлёбывать последствия твоих гениальных замутов?

После завтрака звоню по скайпу в Россию своему брату Агафону. Нужно его предупредить, что меня не будет на связи две недели. Я всегда испытываю за брата ответственность. В конце концов, это ведь я выбрал ему это странное имя Агафон.

Агафон дома и ещё не спит. Мой брат – преподаватель заштатного университета на Урале, поэтому дома выглядит совсем не как оксфордский профессор. На брате грязная майка, на щеках щетина, волосы стоят дыбом, очки криво висят на длинном, хрящеватом носу. И никакого сходства с Хемингуэем. Скорее с человеком, выросшим на свалке.

– Привет, братан!

Агафон широко улыбается, демонстрируя плохие зубы.

– Привет! Я сам тебе звонил час назад, но ты не отозвался.

– Наверно, я ещё спал. Только недавно встал и напился горячего какао. Это жизнь в золотом миллиарде, братан!

Агафон гордо произносит:

– Зато я ел рыбу рипус!

Я пренебрежительно кривлюсь.

– Это третий мир со всеми вытекающими.

Агафон предупреждает:

– Будь осторожен! С помощью синтетического какао капиталисты отравляют твоё сознание, а рипус – натурпродукт.

– Просто ты мне завидуешь. Как паппа мио?

Навечно холостой Агафон живет вместе с нашим стареньким папкой. Мама умерла и оставила нас одних.

– Всё никак не может решиться купить ботинки.

– Почему?

– Это противоречит его принципам.

– Не хочет вносить свой скромный вклад в экономику Родины?

– Не знаю. Папа скрывает свои мысли. Вообще не желает об этом говорить. Чтобы не госпитализировали. Я считаю, что в нём дремлют огромные разрушительные силы.

– Везувий?

– Кракатау!

Перевожу разговор на другое:

– Я вчера послушал великих гитаристов Пако де Лусию и Дмитрия Мамонтова. А ведь когда-то и я... Помнишь мою гитару? Эх, молодость-молодость!

– И что?

– Предложил Марине: я буду играть на гитаре фламенко, а ты танцуй. Пока она думает.

Агафон говорит с ехидцей:

– Пусть подольше думает, и проблема отпадет сама собой.

– Ты пессимист, братан. У тебя коньяк воняет клопами. А у меня клоп пахнет коньячком!

Агафон смеётся. Сообщаю брату о намечающемся путешествии в Лурд, и мы прощаемся:

– Пока!

– Пока!

Поздний вечер. Моросит дождь. Едем на юг по автобану номер пять. Франкфурт, Дармштадт, Карлсруэ уже остались за кормой. За штурвалом стремительного сизо-серого «Ауди» наш Саша. Я шмыгаю носом на пассажирском сиденье рядом с ним. У меня зверски болит горло. Марина дремлет сзади. Чтобы жизнь ей не казалась мёдом, сипло спрашиваю вялую супругу:

– Сколько времени нам понадобится, чтобы доехать до Лурда?

Марина открывает глаза и апатично смотрит на меня. Наконец до неё доходит смысл моего вопроса.

– Шестнадцать часов. Если всё будет нормально, завтра к обеду будем на месте.
– О'кей. Спи, родная.

Но Марина всегда находит неприятную для меня тему разговора.

– Ты взял с собой таблетки?

– Зачем? Ты сказала, что в Лурде есть целебный источник.

И куда девается Маринина сонная одурь? Жена даже подсакивает от возмущения.

– Здрасьте, приехали! Какой же ты безответственный человек! Половинкина велела принимать эти таблетки ежедневно!

Марина разволновалась не на шутку, поэтому я примирительно хриплю:

– Ну, что ты ругаешься? Взял я таблетки. Вода водой...

Чтобы отвлечь Марину от темы медикаментов, перевожу беседу на другое:

– Ты знаешь, милая, что в Британии то место, на котором ты сейчас сидишь, называют «место королевы»?

– Интересно, а как там называют то место, на котором сидишь ты? – спрашивает Саша.

– Задница! – отвечает за меня всё ещё злая Марина.

Молчу. Ну и ладно. Писателя обидеть может каждый.

Время от времени автомобильные фары выхватывают из темноты придорожные щиты с назидательными надписями: «Один спешит, двое умирают», «Один отвлекся, трое умерли» и другими на подобную же тематику.

– Скоро французская граница. Не пора ли нам передохнуть? – интересуется Саша, когда мы минуем россыпь огней Фрайбурга. С места королевы возражений не слышно. Я тоже не прочь размять ноги. Значит, делаем остановку. У первой же зоны отдыха Саша сворачивает с автобана. Наш «Ауди» доезжает до многоугольного одноэтажного здания, в котором находятся туалеты, и замирает. Темно. Идёт мелкий дождь. Сразу за кромкой дороги начинается мокрый дремучий лес. Наверное, этот лес здесь рос, когда женщины ещё были рёбрами. Кроме нас, на площадке больше никого нет.

– Перекур – десять минут! – объявляет Саша, доставая сигареты. В нашей семье курит только он. Может быть, поэтому Саша такой худой и длинноногий?

Марина, зябко поёживаясь, отправляется в туалет. Саша достаёт из багажника сумку с едой и термос с кофе. Я, жуя на ходу бутерброд с колбасой, отправляюсь следом за супругой. Унитаз приветствует меня грохотом водопада, когда я закрываю дверь кабинки. В таких туалетах я уже бывал. В них у унитазов нет клавиши слива. Несамостоятельным горшком руководит входная дверь. Вошёл – пошла вода. Вышел – опять пошла. Чего только люди не придумают, чтобы ничего не делать. Леня даже смыть за собой. А ещё Европа!

Возвращаюсь к «Ауди». Марина и Саша уже поели и пьют горячий кофе из пластиковых стаканчиков. Это моя хозяйственная жена запасла в дорогу целую коробку с одноразовой посудой: ложками, вилками, ножами, тарелками, стаканами.

– Выпей таблетку, – напоминает мне Марина.

Пью. Заодно грею больное горло обжигающим кофе.

– Скоро понадобится заправить машину, – озабоченно говорит Саша.

Я интересуюсь:

– А до заправки-то дотянем?

Саша смотрит на навигатор. Эта умная штуковина показывает не только маршрут, но и все заправокные станции, которые встретятся нам по пути.

– Нави говорит, что первая будет через пятьдесят километров. Доедем. У меня дизеля ещё на сотню хватит.

– Поели, мальчики? – спрашивает Марина.

Мы киваем.

– Тогда поехали.

Собираем недоеденные бутерброды обратно в сумку. Пока остальные занимают места в машине, я шагаю к большому чёрному контейнеру, чтобы выбросить мусор. Такое правило.

Едем дальше. Теперь за рулём сидит Марина. Саша спит на заднем сиденье. Временами возится там и постанывает. Наверное, так он заряжается энергией, а может, ему снятся бесстыдные девушки. Парень-то молодой, нецелованный-небалованный.

Вот и Франция. Границы больше нет. Только незаметный указатель на обочине. Да здравствует Евросоюз! Французский дождь ничем не отличается от немецкого. Такой же мелкий, нудный и холодный. А вот знаки дорожного движения отличаются. Здесь они раза в полтора больше, чем в Германии. Насколько я ориентируюсь, сейчас мы едем по Эльзасу, держим направление на Мюлуз. Начинаются горы. Трудолюбивые немцы построили путепроводы над пропастями, во многих местах разрезали горы пополам, проббили туннели. Ветреные французы не стали заморачиваться, поэтому теперь наш «Ауди» то поднимается на вершину высокой горы, то скатывается к ее подножию, чтобы тут же начать новый подъём.

Время позднее. Я уже сильно хочу спать, но держусь. Не могу оставить Марину одну. Боюсь, как бы она тоже не уснула за рулём.

– Сейчас будет большая автостоянка с мотелем, кафетерием и бензозаправочной станцией, – негромко говорит Марина. – Будем останавливаться?

– Конечно, сворачивай, мама, – подаёт голос проснувшийся Саша.

Сворачиваем.

Несмотря на позднее время, свободных бензоколонок нет. Возле каждой караулят два-три автомобиля с французскими, швейцарскими, немецкими номерами. Французских, конечно, больше всех. Марина пристраивает наш «Ауди» за обалденным британским «Рейнджровером». Водитель «Рейнджровера», высокий худой длинноносый джентльмен в сером элегантном полупальто с поднятым воротником, заправляет своего железного коня.

– Перестраивайся вправо, мама, – подсказывает Саша. – Ну его, этого Чёртечтона. Терпеть не могу англичан. Они такие высокомерные! Вон соседняя колонка сейчас освободится.

Марина собирается дать задний ход, чтобы занять очередь попроще, но джентльмен в сером полупальто делает нам знак пальцами: подождите, мол. Он закрывает топливный бак, садится в «Рейнджровер» и предупредительно отъезжает от колонки в сторону. Потом идёт платить за бензин. Мы провожаем джентльмена благодарными взглядами. «Thank you, sir»². Мы любим британцев!

Едем дальше. Бельфор, Безансон... Как опытного пассажира, меня радует качество французских автострад. Оно ничем не уступает германскому. Это ведь только в России дороги объезжают по полям. По-прежнему идёт дождик, и автомобильные щётки ритмично ёрзают по ветровому стеклу. Марина тихо ворчит. Я понимаю её недовольство. «Ауди» сам выбирает режим работы щёток. Когда дождь усиливается, машине требуется время, чтобы добавить им проворства. Пока «Ауди» думает, стекло покрывается струйками воды и водителю ничего не видно.

Серым мокрым утром въезжаем в Лион – родину физика Ампера, лётчика-писателя Антуана де Сент-Экзюпери, композитора Жана-Мишеля Жарра. А родоначальники кинематографа братья Люмьер здесь похоронены. В Лионе меня внезапно охватывает топографический кретинизм.

– Мы правильно едем? – спрашивает Марина, когда навигатор показывает направление на Марсель.

– Нави ошибается, – уверенно хриплю я. – Марсель находится к востоку отсюда, а нам нужно на юг. Ищи указатель на Валанс!

² Спасибо, сэр (англ.).

Марина послушно делает поворот в противоположную от Марселя сторону. Мы начинаем кружить по фабричным пригородам огромного города. Мы кружим, а тем временем Лион просыпается. Автомобилей на дороге становится всё больше. Время идёт, топливо расходуется, но заветного указателя на Валанс нигде не видно.

– Кажется, мы здесь уже проезжали, – замечает Марина, когда наш «Ауди» в третий раз поднимается на высокий путепровод.

– Ну, тогда и я не знаю, – сдаюсь я.

Положение спасает Саша. Он решительно произносит:

– Мама, хватит кругалю давать! Пусти меня за руль. Я знаю, куда ехать.

Уставшая Марина охотно уступает штурвал сыну. Дальше Саша поведёт наш сизо-серый корабль. Следя за навигатором, я вижу, что мы направляемся в неправильный Марсель, но молчу. Как сказал Сенека-старший: «Человеку свойственно ошибаться, но глупо упорствовать в своих ошибках»³. Навигатор был прав – из Лиона на юг есть только одна дорога – на Марсель. Поворот на Валанс находится дальше.

Покрутившись ещё немного по эстакадам, мы, наконец, покидаем надоевший Лион. С обеих сторон шоссе тянутся скучные поля с редкими фермами. Над нами висят клочья дождевых туч. Позади осталось полдороги, впереди лежит полпути. Едем дальше.

Кстати, о платных автострадах. В Германии их пока нет. По крайней мере, легковые автомобили бороздят германские просторы совершенно безвозмездно. Во Франции всё по-другому. Как говорят немцы: другие страны – другие нравы.

Время от времени шоссе воронкообразно расширяется, и перед нашими глазами появляется длинный ряд платёжных терминалов с автоматическими шлагбаумами. Огромные стрелы сообщают путешественникам о том, какие терминалы предназначены для автобусов, какие – для грузовиков, какие для нас – легковушек. Подъезжаем, опускаем деньги в узкую щель терминала, получаем сдачу и талончик. Шлагбаум поднимается. Через несколько десятков километров достигаем выезда с платного участка. Вставляем талончик в автомат, шлагбаум поднимается. Едем до следующего платного участка. Во Франции дорожный разбой функционирует чётко.

Мне адски хочется спать. Я не смыкал век уже сутки. Для меня это многовато. Даже по германскому счёту. Да и горло болит по-прежнему. Хорошо Маринке! Она сладко спит под ровный гул мотора. Мужики обо всём позаботятся. Саша в наушниках слушает музыку. А вот и долгожданный знак со словом «Валанс». Я удовлетворённо закрываю глаза. Теперь можно расслабиться. Даю указание Саше:

– Держи направление на Ним, а дальше на Монпелье. Я пока подремлю. Буди меня, если только обрушатся небеса.

– Не беспокойся, Вадим. У меня есть нави, – отвечает Саша.

Но я его уже не слышу. Сплю.

Пока моё сознание отсутствует в Яви, «Ауди» минует Валанс, белые высоты Нима, виднеющиеся в сетке дождя справа от дороги, и летит по автостраде, помпезно названной Виа Домиция.

Когда я, наконец, с трудом разлепляю глаза, машину ведёт Марина. Сзади доносится Сашин храп.

– Где это мы, золотко? – задаю вопрос супруге, удивлённо глядя на кипарисы, пальмы-метёлки и россыпи домиков песочного цвета с розовыми черепичными крышами. – Подъезжаем к Изумрудному городу?

– Едем по Дороге двух морей. Правда, классное название? Скоро будет Каркассон.

– А Монпелье?

³ Errare humanum est, stultum est in errore perseverare (лат.).

– Меньше спать надо, милый. Монпелье мы давно проехали. Ты всё проспал.

– Что именно?

– Прованс, Страну катаров, гору Алариха. Это сказочные места даже в дождь!

– А не пора ли нам подкрепиться? – предлагаю я без особой надежды.

– Рано ещё! Обедать будем после Каркассона, – отвечает Марина. Я вздыхаю. Современный мужчина ест не тогда, когда хочет, а когда женщины дадут. Неужели так было всегда? Даже во времена Алариха?

Обиженно смотрю в окошко. Нудный дождик то прекращается, то снова начинает капать. Дорожный указатель информирует, что мы проезжаем по региону Лангедок-Руссильон. Больших городов не видно. Шоссе петляет по сельской местности. Там и сям виднеются одинокие фермы, со всех сторон обсаженные деревьями. Фермы окружены полями. Время от времени попадаются небольшие селения. Я уже почти умер от голода, когда справа на горизонте появляется силуэт огромной крепости.

– А вот и Каркассон! – показываю я Марине на крепость пальцем. – Женщина, прошу вас пройти на кухню для приготовления пищи!

Делаем краткий перерыв на обед. Опять кофе, бутерброды. Потом едем дальше. В Тулузе сворачиваем на Тарб. До святого места осталось всего несколько километров. Небо темнеет. Дождь усиливается и переходит в настоящий ливень. Далеко впереди в серой влажной дымке высятся величественные Пиренеи. Я не люблю горы. Жить в горах тяжело и опасно. Обвалы, сели, лавины, бездонные пропасти, дикие горцы. Единственное, что оправдывает существование гор, – это их красота.

Проезжаем мокрую надпись «Тарб». Вот и конец пути. Глядя в окно, я непроизвольно ёжусь. За окном хлещет холодный дождь. Пасмурно. И никто не стоит посреди дороги с ключами от города.

Глава 3

Отель «Галльский петух» построен на возвышенности у реки. Это мрачный узкий дом, вытянутый в глубину участка, заросшего густым колючим кустарником. Длинная четырёхскатная крыша делает строение похожим на гроб, зачем-то выставленный на вершину крутого холма. К «Галльскому петуху» ведёт узкая извилистая дорога, обсаженная высокими буками. Других зданий рядом с отелем нет. Первые городские постройки виднеются в паре сотен метров отсюда. Глухомань.

Саша паркует «Ауди» возле крыльца, над которым под резкими порывами вечернего ветра дребезжит жестяной символ Франции. Хотя ещё не очень поздно, крыльцо и десяток метров перед ним уже освещены уличным фонарём.

– Кажется, добрались, – говорит Марина, открывая дверцу машины. – Пойдём со мной, Вадим. Ты же у нас переводчик.

Смелое заявление. Французский я учу всего ничего, но, как говорится, на безрыбье и рак рыба.

Саша остаётся ждать в тёплом салоне «Ауди», а мы с Мариной под дождём поднимаемся на крыльцо. Над дверью написано: «Le Coq Gaulois»⁴. Едва супруга успевает нажать на звонок, как дверь распахивается. На пороге стоит женщина лет пятидесяти. Она улыбается, показывая неожиданно большие зубы, и делает приглашающий жест рукой. Входим.

Зубастая женщина провожает нас в комнату, служащую для хозяев гостиницы офисом. Там женщина включает компьютер и вопросительно смотрит на нас. Я называю наши имена. Женщина что-то делает в компьютере, кивает. Затем быстро говорит по-французски. Марина подталкивает меня вперёд – давай, мол, переводчик, покажи себя. Я набираю в грудь побольше воздуха. Сейчас блесну!

– Je ne parle pas français!⁵ – выдаю я свою коронную фразу – специально выучил её перед поездкой.

– У вас кто-нибудь говорит по-немецки? – спрашивает Марина. Женщина отрицательно мотает головой. Я насмешливо смотрю на жену. Не нужно верить рекламе. Женщина опять демонстрирует нам большие зубы и что-то стрекочет. Кажется, что её голос поднимается из туфель. Я с трудом разбираю имя – Луиза. Луиза зовёт нас за собой. Делать нечего – идём.

⁴ Галльский петух (*фр.*).

⁵ Я не говорю по-французски! (*фр.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.